

Анатолий Ширялин

ГАГА О

ВЕЛИКОМ ГИТАРИСТЕ

МОСКВА
«КИРИЛИЦА»
2003

«**Г**АЛЬТО
МОРТАЛЕ»»

В начале уже столь отдаленных шестидесятих и уже прошлого века, впервые довелось мне услышать игру феноменального гитариста.

Все мы в ту пору были молоды, все, или почти все, одинаково лаптем щи хлебали, экономили пятак на дорогу, жили в полуподвалах, бараках, общагах – в тесноте, но не в обидах: обижаться-то не на кого. Но было и нечто удивительное в нашем существовании: быстро сходились, знакомились, искренне радуясь возможности общения. Друзья друга становились друзьями, и друзья тех друзей тоже. Выстраивалась бесконечная цепь знакомств, благодатная цепь, связующая в единый саморазвивающийся организм. Общались по принципу: все вкупе и каждый сам по себе. Грешили портвейном и дешевым сухим вином. Но то было мистически-ритуальным действием для уплотнения единства душ.

Иногда кто-то отдалялся по тем или иным мотивам, отдалялся тихо, почти незаметно, нередко проявляясь вновь, а порою ускользал навсегда, следуя логике дремучих дел, в которых видимо запутывался безысходно. Поговаривали невзначай: бытовуха съела. Но скорее всего и есть-то было нечего – кожа да кости...

Все мы были сами с усами: тискали гриф гитары с беспощадностью молодости. Все мы в собственных глазах были непревзойденными виртуозами и мастерами, талантами до неузнаваемости. А если кто-то и превосходил, то по чистейшему недоразумению. Случались и действительно талантливые. Но кто-то сделал стежок не в ту сторону и зашился в тех делах; кто-то раскачал ладью в море разливанном; кто-то присмотрел любовь на стороне. Только немногие, наморщив лоб и сдвинув прическу набекрень, пальцами вымаливали свою святую оргайстику...

И вот он сидит такой простецкий, с блямбочкой носа, с лукавым прищуром, осыпая звуками, словно Божьей бла-

годатью, или радостью земного изобилья. Пальцы крутят карусель, где всё полётно, где всё несказанно, где всё вокруг жаждущих душ. А души открытые, будто разъявленные клювы желторотых птенчиков, жадно, ненасытно заглатывающие плоть музыки. Он же дальше и дальше по ухабам да с крутизной кружит вихрем, холода набегающий азарт. Вы хотите ещё?.. Вот вам ещё, возведённое в степень свободного полёта над всякими там невозможно-стями. И выманивает на просторы восторг и восхищение, освобождая от рабства земного притяжения.

Да кто же он такой гитарный и изувер? А некто Серёжа Орехов, дитя московских трущоб, дворов и двориков, где всё жестоко, но где всё и справедливо – каждому своё...

Биография Сергея Орехова – это биография целого поколения, родившегося накануне страшной войны.

А пришёл в мир явленный мальчик Серёжа 23 октября 1935 года на Малой Дорогомиловской улице. Пятью годами позже родилась сестрёнка Люба, а затем и братья Николай – в 1944 и Павел – в 1947. И это славное семейство из шести человек уютилось в комнатке 6х1,6 м. Нетрудно подсчитать, что каждому из навечно упокоенных «жилплощади» отводится всё-таки больше. Так жили многие. И не очень тяготились скученностью, бытовыми неудобствами. А всё потому, что в подобных «вороньих слободках» незримо проживали любовь, согласие и надежда на грядущее. Эти «кадры» селились конечно же без прописки, своим присутствием раздвигая стены тех казематов. А ныне частенько в огромных анфиладах шастают призраки несправедного благополучия. Простое же человеческое счастье так и не приходит, окончательно заблудившись в тех хоромах.

Здесь, в привокзальных двориках, с их своеобразной романтикой и при достаточно чистой в ту пору Москвереке с песчаными ещё берегами, прошли детство, юность и частично молодость гитарного чародея.

Но вот корни-то из русской глубинки, оттуда, откуда пришел гениальный Сергей Есенин – с рязанщины. Отец, Орехов Дмитрий Михайлович, родом из села Большие Каменки Рязанской губернии, а мать из Пронского уезда. Так что Сергею, потомки славного Евпатия Коловрата, постояли за землю рязанскую.

Ещё одно действующее лицо среди родственников – это дед Сергея по материнской линии – Фёдор Иванович. Дед, как мне помнится, колоритен, с добрым юмором и несокрушимым спокойствием истинного мудреца. Когда, нагулявшись, Сергей просил есть, предлагал ему вечные щи, которые кажется и не варились, а таинственным образом пополняли кастрюлю сами. На что Сергей реагировал не совсем адекватно:

– Опять щи, жадина! – и стучал кулаком по прилолке. Дед, усмехаясь в усы, стоически говаривал:

– Ну не хочешь – не ешь...

А ещё дед торжественно выдавал ему пятак на дорогу. Если Сергей просил ещё, то дед резонно замечал, что он молодой, ноги резвые, куда угодно доведут. Так и вышагивал Серёжа пешком по своим житейским надобностям. Жил он у деда на Брянской улице с 1952 года, слегка разрядив семейную скученность.

Дед по профессии пивовар. Всю жизнь проработал на Бадаевском пивоваренном заводе. О нем говорили, что он наводил страх на продавцов пивных палаток, ибо сразу определял какой водой и в каком количестве разбавлено пиво. Проверяющие палаток даже пытались привлечь его к сотрудничеству, но он не пожелал.

Так вот однажды затеял дед бражку. Да не простую, а гостевую. Созвал на торжество желанных гостей. Гости пригубили той бражки по полной мере – не берёт. По второй – не берёт. По третьей... Только взбодрились желудки у гостей, возликовали, но почему-то потребовали сатисфакции. Нужно заметить, что домик, в котором обитал дед, был деревянным и двухэтажным,

весьма похожим на тот, что на курьих ножках. Селился же гостеприимный дед на втором этаже, в двух смежных каморках. И все сказочные «удобства» были тут же, на втором этаже, и всё естественно падало вниз, потому комната уединения выдавала все тайны желудочных страстей с опережающей готовностью. Можно представить несменяемую очерёдность гостей, желающих посетить тот кабинет.

А ларчик просто открывался: до гостей деда, у внука побывали свои гости. И бражку, как водится, слегка ополовинили. Чтобы восполнить горечь утраты, внук дополнил её водой, не шибко разбирая какой. Дед долго приглядывался к внуку, а потом спросил:

– Серёж... ты того... бражку-то не употребил?

– Что ты, дед... – отвечивал внук, щуря лукаво глаз.

На том и поладили.

Что касается пеших прогулок, о которых сказано чуть раньше, то эти хождения были немислимыми с точки зрения здравого смысла. Ходили мы, не зная устали и не признавая расстояний. Он приезжал ко мне в Текстильщики. Из Текстильщиков мы шли до Сокольников, а оттуда до Киевского вокзала, точнее до его Брянской. Конечно, по дороге подкреплялись стаканом портвейна, благо на пути встречалось немало «автопоилок», где за двадцать копеек можно было получить полстакана вполне приличного зелья. Ходили и толковали обо всём: о гитаре, искусстве, философии, литературе, иногда и о смерти, со смутной надеждой на вечность. Толковали как могли – и время, и расстояние неизбежно отступали перед распахнутыми настезь горизонтами...

У него, как уже говорилось, были два брата – Павел и Николай. Оба как-то дружно и преждевременно ушли из жизни в 1982 году. Братьев я почти не запомнил, а вот сестру Любу, теперь Любовь Дмитриевну, видел нередко, особенно когда семья Ореховых в 1965 году переселилась в Фили, получив по тем временам вполне прилич-

ную квартиру. Сергей, как старший брат, обожал её. Пестовал её, возился с ней, водил купаться, покупал ей сладости на случайно выигранные во дворе деньги. И привязанность к ней сохранил на всю жизнь. И она, в свою очередь, хранит самую светлую память о нём, бережно и трепетно сберегая каждую вещь, подаренную им.

А сестра Сережи в то время – нежно-женственная Люба, с улыбкой ласкового ребёнка, чистое и обаятельное существо. Такие сёстры-невесты оставались для нас неприкасаемыми, как римские весталки, – вдруг выйдет что-то не так ...

Сергей вроде бы и не помышлял о гитаре. Неполная средняя школа. Занятие акробатикой в детской спортивной школе. Участие в соревнованиях на уровне Москвы, где он занимал третьи и вторые места. Далее цирковое училище, в которое он поступил в четырнадцать лет, и даже два года в нем проучился. А затем... как говорят, роковая случайность, изменившая всю дальнейшую жизнь: выполняя какое-то упражнение, упал, повредил связки – училище пришлось покинуть. Кстати, кроме занятий акробатикой, Сергей имел ещё и спортивный разряд по плаванию.

И вот простой житейский разворот, который определил судьбу – дядя в Серёжины шестнадцать лет подарил ему гитару. А Серёжа будто только и ждал такого подарка, призванный судьбой для этого музыкального инструмента. О нём можно сказать так: взял, услышал, заиграл. В возрасте, по нынешним меркам, уже достаточно далёком от серьёзных занятий музыкой. Сегодня детей учат чуть ли не с пелёнок. Хотя были случаи, когда начинали почти в тридцать лет, добиваясь немалых успехов. Тот же Макаров в позапрошлом веке, или Альфонсо в наше время. Да мало ли?..

У Орехова предки не увлекались музыкой. Правда, по семейному преданию, отец Сергея, Дмитрий Михайлович, играл на мандолине и гитаре и слыл первым пар-

нем на Малой Дорогомиловской. Сергей учил себя сам, по каким-то самоучителям, в которых вразумительного было весьма немного – мешанина из нотной азбуки и причудливой табулатуры. Но ведь прочёл и выудил всё для себя нужное – заиграл «Московскую польку», пронёс её затем через всю жизнь. А кого-то с безгрешного возраста в академики прочат, в микронах высчитывают «неуклонный рост», а он глядь – в «лётчики» подался, пролетев мимо соглядатаев его «академизма»...

Потом у Сергея армия, которая в наше время почти никого не обходила своим вниманием. Из воспоминаний Надежды Тишиновой в брошюре «Русский романс»: «Когда Сергей служил в армии, он играл на шестиструнной гитаре. И в Ленинграде он первое место занял на конкурсе. Участники пришли разодетые в чёрные костюмы с бабочками, а Сергей явился на конкурс в солдатской робе. Они его сразу как конкурента и во внимание не приняли. Но, когда он заиграл, все были просто в шоке. В армии он сильно простудился, и с диагнозом «полиартрит» его доставили в военный госпиталь, где он долго лечился. А затем его и вовсе комиссовали из армии. Пострадали руки, и Серёжа разрабатывал их, преодолевая сильную боль. Потому что без музыки, без гитары жить он не мог. Какая сила воли у него была, когда дело касалось музыки!»

Когда поступал в музыкальное училище им. Гнесиных в 1962 году, он не имел ещё той известности уникального виртуоза и творца популярных обработок. Набор на гитару в только что открывшийся класс проходил с опаской и оглядом на «непричёсанность» гитарной публики, с культовой пьесой, бессмертной «Цыганочкой». Со стороны гитаристов пригласили уже престарелого Василия Михайловича Юрьева. И конечно же, правили бал гнесинские корифеи – Юрьев приглашался в качестве гитарного символа, свадебного генерала. А иначе и быть не могло – в отстроенный по классическим канонам монас-

тырь да с гитарным уставом... Приняли с трудами тяжкими Сергея Орехова и Дмитрия Березовского – они стали первыми студентами-гитаристами «гнесинки». От Орехова в ту пору ещё не исходил дух богомного профессионализма, только слегка ощущался привкус дворовой вольницы, но чуткий нюх академических наставников уловил его... Пришлось Березовскому бегать по высокому начальству, чтобы добиться приёма для Орехова, заодно и для себя самого, ибо вышел к тому времени из возрастного ценза. Общие хлопоты сблизили студентов-мучеников: около года они работали вместе с цыганской певицей Раисой Жемчужной.

Поступить-то Сергей в училище поступил, а вот учиться некогда. Постоянные гастроли, разъезды – не до училища, не до учёбы. Приходилось играть и в зной, когда по спине беспощадно бегут струйки пота и мокнут руки, в трескучие морозы, когда руки сводит от холода в нетопленных залах. Доводилось терпеть и лютого сибирского комара, сгоняя настырного кровососа с лица и рук в коротких фразировочных паузах...

Учился как мог... Однажды, весьма озабоченный, вызывает о помощи:

– Слушай, мне завтра историю сдавать. У тебя нет учебников?

Я пытаюсь уточнить каких: средних веков, новую или новейшую историю, или историю СССР. На что он сокрушенно отвечает:

– Не знаю ...

Все мы учились понемногу...

По рассказам, он и сольфеджио сдавал по-своему. Приходил, ставил гитару в футляре под стол и шёл на хитрость, то есть просил разрешить ему пропеть упражнения не с роялем, а с гитарой: так мол сподручнее. А пел он, нужно заметить, как рыба: рот открывался, а звук шёл в обратную сторону... При его музыкальной одарённости это казалось нонсенсом, хотя подобные

случаи в сущности нередки, когда голосовой аппарат «не включается». Так его «распевки» с гитарой кончались тем, что пела гитара, а зачарованные его игрой преподаватели, расчувствовавшись, ставили ему вожделенную тройку. Да не нужна она была уже такому мастеру школярская та наука, несколько припозднилась, перерос он её, ему нужны были науки на порядок выше...

Кроме природной музыкальной одарённости, он обладал и великолепной памятью. Как свидетельствуют некоторые гитаристы, он мог по памяти записать довольно крупные произведения, такие, как своя обработка романса «Не пробуждай воспоминаний». Да и чтение нот для него не было проблемой. Сам он признавался: «Я беру ноты прямо с листа и играю, трудностей для меня там нет никаких. Я взял «Чакону» Баха, там есть один пассаж, я его тут же, за пять минут, взял и выучил, и больше нечего там играть. Там только музыку расшифровывать хорошо – это да. А дальше играть технически у Баха нечего, переборы только. Я люблю просто так, для себя его поиграть с листа.»

В молодости, когда гитара ещё дразнила его своим целомудрием, когда собственные импровизации только торили свой путь, он переиграл много сочинений для гитары, немало и не гитарных. Помню блистательно наигранный им 24-ый Каприс Паганини. В его руках эта грациозная скрипичная пьеса звучала так, будто специально написана для гитары. Но особо он выделял Высотского, которому в немалой степени обязан своим музыкальным развитием. Достаточно читил и Владимира Сазонова. Даже в последний год жизни просил меня собрать ему как можно больше обработок этого талантливого гитариста. Обладая от природы великолепной памятью, нотный текст запоминал быстро и мог свободно выплёскивать, трактуя его по-своему. Кстати, однажды Сазонов, услышав, как Сергей играет в его обработке «Тонкую рябину», немало удивился:

– И чья же это обработка? – спрашивает он.

– Ваша, Владимир Станиславович, – отвечает Сергей, польщённый вниманием и забавляясь курьёзной ситуацией.

И немудрено: играл он нередко так, едва обозначив тему, врвался в вариации, сокрушая удалью пределы возможного.

По воспоминаниям Валентина Стабурова, он будучи у него дома, увлечённый «Полькой» Соколова в обработке Сазонова, переписал ноты, рукопись Сазонова взял с собой, а хозяину оставил свою копию. Было это в три часа ночи далекого 1953 года...

А вот издавали его с трудом, кривясь при его имени, и скорее от наветов и слухов. Кое-что удавалось «пристроить» и мне из его импровизаций и это отзывалось большой радостью и становилось удачей. Следует заметить, сам он воспринимал нежелание редакции его публиковать, достаточно спокойно. Ведь некоторые на ушах стояли, все пороги редакций штиблетами отбивали, а он даже и не ходил туда. Его же играли и так, охотились за каждым наброском – других издаваемых нередко просто не замечали.

Отчасти, то, что его не издавали виноват он сам – частенько, как и в игре, сразу начинал с вариаций, игнорируя тему. Без темы они игрались и многими любителями гитары, а вот в издательствах морщили носы и сдвигали брови. Так вот порою мне приходилось «лепить» тему, с его, конечно, благословения. А когда на него стали обращать внимание, предлагая издаваться, он мог высказать нечто подобное: «Мне уже предлагали, но надо сидеть, записывать на ноты. А я ведь не пишу – они у меня в голове, в руках. То, что я играю, это почти импровизации».

Перед выходом на сцену волновался ужасно, как будто в свой первый выход. И эта «девственная» волнительность тоже требовала «допинга». Ну, а когда под шквал аплодисментов он уходил за кулисы, требовалось как-то

умерить приподнятость послестрессового состояния. А в таком деле добавить можно, а отбавить не получается.

Как-то в музее им. Глинки, я открывал концерт, намереваясь сыграть одну-две пьесы, чтобы публика несколько притерпелась к звукам гитары и дать Сергею возможность разыграться. Но он просто взмолился, требуя, чтобы я продолжал играть, мотивировал же тем, что мол ещё совсем не готов, – явно испытывая суеверный страх перед сценой.

Когда же мне удалось сорвать «бисовые» аплодисменты, он даже несколько взревновал.

– Вот видишь, теперь меня и слушать не будут, вполне серьезно укорил он меня.

– А ты попробуй, – внушаю ему, забавляясь.

И он «попробовал... Когда каждая сыгранная им пьеса вызывала шквал восторга. Довольный и счастливый, в окружении поклонников, долго ещё что-то показывал, рассказывал, застенчиво улыбаясь и прищурив глаза, будто пряча от сглаза мгновенья откровенного счастья...

Обладая внутренней самодисциплиной, мог мгновенно собраться в нужный момент, когда этого требовала ситуация. Один из его горячих и стойких поклонников поведал мне с недоумением и даже с некоторой обидой:

– Представляешь: идём мы вместе с ним. Он совершенно пьяный, а я почти совсем трезвый. Его в метро впускают, а меня нет...

Мне знаком случай и покруче. Как-то во время гастролей с Раисой Жемчужной, Сергей крепко взял на грудь перед самым выходом. Рассерженная певица решила совсем не выпускать его, обойтись одной гитарой Михаила Жемчужного. В середине песни, к их ужасу, покачиваясь и улыбаясь, тихонько выплывает Сергей. Во время аплодисментов они вновь хотели затолкать его за кулисы, но по каким-то неведомым законам подлости, у Жемчужного рвётся струна и он уходит сам. Пере-

пуганная Раиса продолжает петь, искоса поглядывая на Орехова. А он аккомпанирует ей легко и свободно, будто ничего и не было...

Он действительно мог выйти за пределы своего аномального состояния...

Вспомнился мне и мой «грех» – я и сам едва не уехал с Сергеем и Жемчужными на гастроли, увлечённый экзотикой кочевой жизни. Уже и красную рубашонку мне заказали с кушаком и штанишки по-цыгански. Только гляжу – мечется мой патрон Жемчужный с мелкими подношениями по малым чинам, чтобы оформить мою поездку. Оторопь меня взяла – плюнул на всё и не поехал. Мы ведь в молодости все максималистами были, да ещё и советскими, совесть в себе лелеяли...

А по сути он великий труженик. Работал целенаправленно и логично, изобретая упражнения для каждого пальца, добываясь точности, осмысленности каждого движения. Руки его двигались по грифу элегантно, легко и непринуждённо, с прирожденным аристократизмом. И частенько обыденная техническая работа незаметно перетекала во вдохновенную импровизацию, где фраза за фразой торопились излиться, догоняя друг друга...

И даже в состоянии, когда невозможно лежать и слушать, как «топает» кошка по ковру, и нет сил крикнуть ей «брысь», он вставал, брал гитару и занимался часами, отгоняя сонную и похмельную одурь, а заодно и сжигая килокалории здоровья. Как-то он признался: «А вообще-то я играю только упражнения, я не занимаюсь вещами, мне надо все время руки разминать, а потом – наиграешься, устаёшь. Всё тяжелее с возрастом становится. Борис Хлоповский говорит: «Надо полегче брать репертуар, полегче, – а я не хочу сдаваться. Я всё сложнее и сложнее беру». А действительно, где же набраться эмоциональной энергии на многие часы занятий с таким трудоёмким инструментом, как гитара.

Он неустанным трудом отмаливал грехи свои, потому-то и святится имя его...

Его игра завораживала не только гитаристов и музыкантов вообще. Мне ведом уникальный случай, когда его долго не выписывали из больницы по причине далёкой от медицины – персонал влюбился в гитару неординарного пациента.

Помнится ещё один показательный момент времен нашей молодости. Как-то оказались мы несколько любителей гитарного чародейства Сергея в метро на станции «Маяковская». Метро тогда работало почти всю ночь, только реже ночью ходили поезда. Воодушевлённые своей молодостью, а может и ещё чем-то, упросили Сергея достать гитару. Акустика на станции оказалась что надо, даже мало мешали нечастые поезда. Гитара звучала, как оркестр, да ещё в руках Орехова. Редкие пассажиры выходили из вагонов и тут же застревали рядом с нами. Так продолжалось довольно долго, пока на наше сборище не обратил внимание дежуривший милиционер. Нас-то было гораздо больше, чем трое, а это уже, простите, опасное соединение. Милиционер решительно подошёл, откозырял, и как подобает блюстителю порядка, голосом чревовещателя спрашивает:

– Зачем собрались?

Зачарованная публика никак не отреагировала, вслушиваясь в каскадные гитарные переборы. Прислушался и он, да так и остался с нами, позабыв о служебных обязанностях. А виновником сего «прокола» стал никто иной, как молодой и азартный Сергей Орехов, которым мы в тот миг откровенно гордились.

Играть он мог на любой гитаре, даже вовсе не игровой деревяшке. Это при его-то хрупких на вид руках и с приобретённым на службе в армии артритом. Уменьем его частенько пользовались, чтобы продать сомнительного качества гитару. А на Неглинной, в музыкальном магазине, часами «дежурил» некто по прозвищу «Скула». Он заку-

пал, а затем перепродавал дефицитные ленинградские гитары, лучшие из всех тогда производимых. Сергей своей ошеломляющей игрой помогал «Скуле» быстренько реализовать свой товар. Помогал, конечно, бескорыстно, разве что – стакан портвейна. То был небольшой бизнес подобных «Скуле». Они именовались «фарцовщиками» и за тот малый бизнес можно было схлопотать вполне приличный срок. Что и случилось.

Сергей редко кому в чём отказывал, особенно, когда дело касалось гитары. Мог поехать на край света без какой-либо не только выгоды, но и видимой пользы для себя. В нём гнездилась неуёмная жажда общения. Через него проходили вереницы людей. И в этом наверное был потаенный смысл – постижение своей души через поток живого общения. Ведь человек в общении самый любопытный сюжет. Кстати, Сергей обожал детективную и приключенческую литературу. Здесь может быть также проявлялась ребячливость души.

Казалось, его знала вся гитарная Москва. Заглянули мы как-то в очередной подвал, где обитал один из бесчисленных кружков гитаристов. Нас встретил сам руководитель.

– А, Серёжа! – обрадовался он. – Заходи, располагайся. Я сейчас... – захопота он, посылая кого-то за бутылкой портвейна. – Ты пока поиграй, поиграй...

И Сергей заиграл. Кружковцы как вперились глазами в гитару, бывшей доселе косноязычной в их руках, а тут вдруг так разговорилась в руках Орехова, так и стояли оцепенело, пока его игру не прервал стакан с портвейном. А хозяин подвала резюмировал так:

– Видите, ребята, как нужно играть?.. Так вот он добросовестно и старательно учился у меня. Перед вами результат...

Сергей, слушая завравшегося хозяина, только застенчиво улыбался.

Иногда он воображал себя эдаким предприимчивым и оборотистым докой. Но его элементарно проводили – мог ценную вещь, например гитару Шерцера, поменять на ненужную ему в сущности оргтехнику, или на нечто другое, скорее вообще несуразное. Однажды он увидел у меня икону 18 века, образ Богоматери, очень юной и не по-иконному обаятельной. От иконы действительно исходило какое-то очарование. Но я не очень располагался к ней. И по личным мотивам, и потому, что не особо чтит «парсунную» иконописную школу. Мне казалось, что русская иконописная школа многое утерьяла от соприкосновения с западноевропейской живописной манерой. Если 17 век – это подлинно русская иконопись, даже без ликующих шедевров Симона Ушакова, то 18 век – «греховное» заигрывание со светской живописью. Так вот, чтобы удовлетворить пристрастный интерес Орехова, я снял оклад, эту паранджу на светлом лице, и показал икону во всей её красе. Сергей был явно очарован. Видя его неподдельный интерес, я подарил ему икону. Оклад же, чистейшее «рококо», он не взял... Икону я у него не видел больше никогда. Скорее всего разменял на какой-нибудь пустяк. Но разве это не ребячество чистой воды? Но никак не трезвый расчёт деляги. Понравилась ему игрушка на сейчас, на сей миг, – и всё, а далее обменивается на новый интерес. Или подвергается высшей мере наказания – забвению.